

Диалогия Виктора Тюринна

Чужой среди своих

Свой среди чужих

ВИКТОР ТЮРИН

СВОЙ
СРЕДИ ЧУЖИХ

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
Т98

Серия «Боевая фантастика»

Оформление обложки *Айрата Аслямова*

*Выпуск произведения без разрешения издательства
считается противоправным и преследуется по закону*

Тюрин, Виктор Иванович

Т98 Свой среди чужих: роман / Виктор Тюрин. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2019. — 352 с. — (Боевая фантастика).

ISBN 978-5-17-118340-0

Судьба снова закинула Костю Звягинцева в немецкий тыл, где он участвует в боевой операции партизанского отряда и невольно становится участником секретной операции «Архив». Вместе с захваченным в плен полковником абвера он возвращается в Москву, где и находит секретный архив, который упорно искала советская контрразведка. В качестве награды его отправляют учиться в школу внешней разведки. Оказавшись по заданию в Швейцарии, после пяти месяцев работы за границей, Костя решает не возвращаться в Советский Союз. Благодаря знанию будущего и знакомству с крупным немецким промышленником, которому в свое время спас жизнь, Константин Звягинцев постепенно выстраивает мощную торгово-промышленную империю, имеющую филиалы в большинстве стран мира.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-118340-0

© Виктор Тюрин, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*Все персонажи этой книги, а также имена,
которые они носят, вымышлены.
Всякое сходство с реальными лицами случайно.*

ГЛАВА 1

— Ну, здравствуй, лейтенант.

— Здравия желаю, товарищ подполковник.

Он внимательно посмотрел на меня, после чего сказал:

— Похоже, у нас с тобой будет нелегкий разговор.

Я промолчал.

— Садись. В ногах, как говорится, правды нет, — и он сел, положив рядом с собой объемистый пакет, который держал в руке.

Вслед за ним опустился на кровать и я.

— Из рапортов мне известно, как погибли ребята. Ты ничего не хочешь добавить?

— Что добавлять? Бумаги написаны с моих слов.

— Ясно. К этому могу только добавить одно: найдены, опознаны и похоронены тела только трех человек. Михаила Кораблева. Павла Швецова, Григория Мошкина. Насчет остальных разведчиков можно предположить, что гитлеровцы закопали их тела просто в лесу, — подполковник помолчал, потом продолжил: — Судя по твоему каменному лицу, несложно догадаться, о чем ты думаешь, Звягинцев: опытных и проверенных людей взяли и послали на смерть. Так?

— Разве не так? Вы сами прекрасно знаете, что у нас свои задачи, отличные от армейской разведки. И на своей работе мы принесли бы намного больше пользы, чем просто по-дурному умереть.

— Выбирай выражения, лейтенант! Сейчас идет война! Тяжелая, суровая, на истребление, требующая от нас всего, без остатка! Или ты до сих пор этого не понял?!

Взгляд у подполковника потяжелел, а голос стал злым. Слушая его, в свою очередь, я тоже почувствовал злость, так как давно убедился, что командир имеет собственный взгляд на окружающую действительность, и рассчитывал на его понимание, но вместо этого он стал мне высказывать прописные истины. Из-за этого мне захотелось его поддеть, уколоть побольнее.

— Войну мы будем вести наступательно, с самой решительной целью полного разгрома противника на его же территории. Это выдержка из полевого устава РККА. А вот еще одна, из того же устава. В любых условиях и во всех случаях мощные удары Красной Армии должны вести к полному уничтожению врага и быстрому достижению решительной победы малой кровью. Как-то они не сочетаются это с вашими словами, товарищ подполковник. Почему?

Сказал и сразу подумал о том, что зря сказал. Эмоции до добра не доводят, да и тема скользкая. «Сейчас командир понесет на меня. И будет прав».

Я уже приготовился к лавине гнева, который обрушится на мою голову, но к моему удивлению, Камышев сумел быстро взять себя в руки и продолжил разговор, как будто ничего не случилось.

— Знаешь, Костя, как человек, который родился и воспитывался в стране Советов, ты ведешь себя так, словно не понимаешь простых вещей, которые советский человек впитывает с молоком матери. Я бы еще понял твои умственные завихрения, если бы ты воспитывался в буржуйской семье, но оба твои родителя настоящие, проверенные временем, верные делу партии коммунисты. Я даже знаю, что твой отец еще при царском режиме в тюрьме сидел, а ты... Ну не знаю, как тебе еще сказать! Понимаешь... Сейчас у нас не может быть ничего своего личного, так как я, ты и миллионы других людей — мы представители советского народа. Мы все идем вперед, вместе шагаем к светлому будущему, и ты идешь с нами, вот только почему-то... не в ногу с остальными людьми. У тебя все как-то по-своему. Ты и с нами, и в то же время... — сам по себе. — Какое-то время он молчал, глядя на меня и пытаюсь понять, какое впечатление произвели его слова, но, не дождавшись никакой реакции, продолжил: — Ладно. Не о том я хотел сказать. Сейчас идет война, Костя, и наши жизни не имеют той ценности, как в мирной жизни. Все, весь советский народ, отдаем самих себя для победы, в том числе и свои жизни, так как мы защищаем светлое будущее, и не только нашей страны, а всего мирового пролетариата! Понимаешь ты это?

— Если отбросить лишние слова, товарищ подполковник, то из сказанного вами можно сделать один простой вывод: люди в этой войне используются только как расходный материал.

Я снова не удержался, но мне давно хотелось это сказать, к тому же я знал, что дальше Камышева мои слова не пойдут. Взгляд подполковника снова

потемнел, ему явно хотелось ответить резкой отповедью дерзкому лейтенанту, от слов которого так и веяло застенками Лубянки, вот только он был настоящим профессионалом, который, пройдя Испанию и Финляндию, видел много того, что расширило его сознание и дало свое, более правильное понимание советской действительности. Он не мог не признать, что немалая доля правды в словах этого лейтенанта есть, хотя они выглядели предательской клеветой на военную политику партии и правительства. К тому же он знал и ценил Звягинцева, несмотря на все его странности, как хладнокровного, смелого и опытного бойца, отлично показавшего себя в деле. Именно поэтому, несмотря на провокационные слова, от которых отдавало предательством, подполковник понял, что они были вызваны не трусостью или предательством, а той частью Звягинцева, которую он до сих пор не мог понять. Он понимал, что Костя по-своему видит этот мир. Вот только почему он его так видит, было для него загадкой, как и необыкновенные военные таланты Звягинцева.

— Чтобы подобных слов я никогда не слышал! Ты понял меня, лейтенант Звягинцев?!

Теперь в его словах звучали точно отмеренный гнев и негодование, то есть то, что необходимо выразить коммунисту и офицеру, который услышал подобные слова.

— Так точно, товарищ подполковник!

Камышев какое-то время смотрел мне в глаза, потом, отведя взгляд, долго молчал. Я тоже молчал, так как высказал личное мнение о бессмысленной гибели ребят, которые своей жизнью заплатили за чужие ошибки. Наконец командир снова заговорил:

— Знаешь, не у меня одного сложилось такое мнение о тебе. Васильич в свое время сказал мне про тебя так: «Звягинцев, он вроде свой и в то же время как бы чужой нам человек».

— Это вам мешает?

— Мешает. Сильно мешает! Как я могу быть полностью уверен в тебе, Костя, если не могу до конца понять, кто ты есть на самом деле! Ты воюешь так, словно уже прошел такую, как эта, войну. Иначе по-другому никак не объяснить твой боевой опыт. Тебя прямо сейчас поставь на мое место, и ты отлично справишься с этой работой, а тебе еще и двадцати лет нет!

— К чему этот разговор, товарищ подполковник?

Опять пристальный взгляд, который спустя несколько секунд потух и стал сонным и равнодушным. Я просто физически почувствовал, как устал этот человек. Душой и сердцем устал.

— Ни к чему, Костя. Просто выговориться захотелось. Теперь о тебе. Я выбил для тебя у начальства отпуск на две недели, но перед этим ты в обязательном порядке пройдешь полное медицинское обследование в госпитале.

— Это еще зачем?

— Сдержаннее надо быть, лейтенант, в своих словах, и тогда никто не усомнится в состоянии твоего душевного спокойствия.

«Особист. Из-за тех слов. Видно, приложил к рапорту свое особое мнение».

— Понял, товарищ подполковник.

— Хорошо, если понял. А это тебе. Держи, — и он протянул мне темно-коричневую коробочку, которую достал из кармана.

Я взял. Открыл. На подушечке из бархата лежал орден Красного Знамени и две звездочки. Закрыв крышку и поднял на него глаза.

— Мне лейтенанта дали?

— Правильнее сказать: присвоили воинское звание.

Я криво усмехнулся:

— А почему без торжественного строя и развернутых знамен?

— Тебе это надо?

— Нет, — я подкинул в руке коробочку. — И это мне... тоже не нужно.

Мне хотелось так сказать, но я оборвал фразу на половине, потому что иначе мне назначат дополнительное обследование уже не в госпитале, а в психбольнице. Камышев только бросил на меня внимательный взгляд, но ничего говорить не стал, а вместо этого стал разворачивать сверток. Спустил минуту на табуретке, прикрытой бумагой, стояли стаканы, бутерброды с салом и колбасой, а рядом с ними краснели боками четыре крупных помидора. На кровати рядышком лежали две бутылки водки.

— Эх, соль забыл, — скользнув взглядом по помидорам, раздосадованно буркнул Камышев, распечатывая бутылку. Быстро разлил по полстакана водки. — За наших товарищей, за наших боевых друзей. За тех, кто уже не вернется, но всегда останутся в наших сердцах.

Мы выпили. Закусывать не стали, только посмотрели друг на друга, а затем отвели глаза в сторону. Командир разлил остатки водки.

— За нашу удачу, Костя.

Опрокинув стакан в рот, я только сейчас почувствовал вкус водки. Взял бутерброд. Какое-то время мы закусывали, потом Камышев сказал:

— Я новую группу принял. У них командир недавно погиб. Хорошие парни. Опытные. Через неделю уходим.

— Куда?

— Западная Украина.

— Почему не в Беларусь?

— Приказы не обсуждают.

— Там вам удача точно не помешает.

— Открывай!

Я распечатал вторую бутылку, но только разлил по половине стакана, как подполковник сказал:

— Разливай все. Награду обмоем.

Достав из коробочки орден и звездочки, я бросил их в стакан с водкой, затем опрокинул его в рот. Поставив стакан на табуретку, взял бутерброд с салом и стал медленно жевать.

Камышев выпил вслед за мной, потом впился зубами в помидор, какое-то время аппетитно его ел. Вытерев руки о газету, он как бы невзначай сказал:

— Не вижу в тебе радости, Звягинцев. Или ты не рад?

— Почему? Рад. Только устал я сильно за это время, товарищ подполковник, вот поэтому она как бы незаметна. И не столько физически, сколько душою, — оправдывался я чисто автоматически, при этом прекрасно понимая, что он мне не поверит.

В ответ Камышев криво усмехнулся:

— Вот-вот. А ты говоришь: зачем тебе обследование?

Он встал. Я вскочил за ним следом.

— На сегодня всё. Документы на тебя и направление в госпиталь лежат в канцелярии. Вопросы есть, товарищ лейтенант?

— Никак нет, товарищ подполковник.

Оказавшись в госпитале, я первым делом поинтересовался у своего лечащего врача, сколько мне предстоит лежать.

— Вы куда-то торопитесь, товарищ Звягинцев? — с легкой улыбкой поинтересовался у меня Валентин Сергеевич.

У него было лицо героя-любownika с правильными чертами лица, ухоженными усиками и аккуратной прической. Еще от него излишне сильно и резко пахло одеколоном.

— Не тороплюсь, но хотелось бы знать.

— Неделю. Потом вас осмотрит психиатр, профессор Думский, и даст свое заключение.

— А раньше он меня не может осмотреть?

— У него другое место работы и очень загруженный график работы, поэтому к нам он приезжает раз в неделю, именно для таких консультаций.

— Ясно. Еще один вопрос. У вас работает врач по имени Таня. Где ее можно найти?

— Она у нас больше не работает.

— Почему? — я настойчиво и испытующе посмотрел на доктора, которому явно не хотелось отвечать на мой вопрос.

— М-м-м.... Ее отца осудили, — его глаза забежали, он не хотел встречаться со мной взглядом.

— Где она сейчас?

Валентин Сергеевич пожал плечами:

— Не интересовался. Извините, мне надо идти. Полно дел.

Спустя девять дней я покинул госпиталь с заключением военно-медицинской комиссии: здоров. Никаких отклонений не обнаружено. Годен к военной службе.

Выйдя за ворота госпиталя, я прищурился на солнце, вылезшее из-за тучи, и с удовольствием подумал о том, что у меня впереди две недели отпуска.

«Погода вроде неплохая. Самое время загулять, душу порадовать».

С деньгами у меня проблем не было. Только с последней экспроприации я взял около ста двадцати тысяч рублей, к тому же за последние полгода моей службы должно было накопиться прилично денег по одной простой причине: времени, чтобы их тратить, у меня просто не было. Теперь оно у меня появилось, а значит, пора начинать их тратить. Дойдя до ближайшего телефона-автомата, позвонил на квартиру Сафроновых. Мне никто не ответил. Повесил трубку.

«Костик, наверно, на своих курсах, — решил я, так как насчет Олечки даже не задавался подобным вопросом. Та жить не могла без компании, предпочитая проводить все свое время, сидя в кафе с подругами, устраивать шоп-туры по магазинам или принимать ухаживания очередного кавалера. — Может, зайти в институт? Посмотреть, кто сейчас учится».

Мысль мелькнула и почти сразу исчезла, так как институт и все связанное с ним было жизнью настоящего Кости Звягинцева, которую я честно отработывал. Только в самом начале мне было интересно, но уже к концу первого года учебы я откровенно стал тяготиться ролью студента-первокурсника. Соответствовать образу жизни советского комсомольца было нелегко, причем не из-за учебы, а политической мишуры, которая здесь называлась общественной жизнью. Для этого нужно было